

*О некоторых морфосинтаксических средствах передачи
сообщения с чужих слов в славянских языках
центральноевропейского ареала в сравнении с немецким*

Сергей С. Скорвид (Москва)

Автор статьи рассматривает морфосинтаксические средства выражения несвидетельских утверждений в нескольких языках, принадлежащих к центральноевропейскому ареалу. Они включают конструкции с модальным глаголом *sollen* в немецком, а также с его функциональными эквивалентами с изначальным притяжательным значением в чешском, словацком, польском, верхне- и нижнелужицком, с одной стороны, и конструкции с побудительной частицей и формами сослагательного наклонения в словенском, с другой. Продемонстрировано, что, несмотря на разное происхождение, данные конструкции обнаруживают значительное сходство в своем употреблении, и это можно считать одной из характерных особенностей центральноевропейской языковой близости.

The author of the paper analyses morphosyntactic means of expressing hearsay in several languages belonging to the Central European area. This includes constructions with the modal verb *sollen* in German, as well as, on the one hand, its functional equivalents with primarily possessive meaning in Czech, Slovak, Polish, Upper and Lower Sorbian, and, on the other hand, constructions of the incentive particle with the forms of the subjunctive mood in Slovene. It is shown that those constructions, despite their different origins, display essential correspondence in their usage; this may be regarded as one of the characteristic features of the Central European language affinity.

Ключевые слова: Центральная Европа, языковая близость, эвиденциальность, неподтвержденная информация, модальные глаголы, пересказывательные частицы

Взаимоотношения славянских и неславянских языков Центральной Европы уже давно рассматриваются исследователями с позиций ареальной лингвистики и теории языковых союзов (см. Неверкла 2007), хотя, по-видимому, только в работе Э. Скалы (Скала 1991/92) в научный обиход было введено – под таким его наименованием – понятие „центральноевропейский языковой союз“ (далее ЦЕЯС). Круг так или иначе во-

влеченных в этот союз языков предельно широко очерчен в его наиболее подробном на сегодняшний день описании Х. Курцова (Курцова 1996): из неславянских языков сюда относятся индоевропейский немецкий и финно-угорский венгерский, а из славянских, с точки зрения автора, прежде всего чешский и словацкий, образующие вместе с двумя названными неславянскими языками ядро союза, и периферийные для него словенский на юге и польский на севере, причем последний, следует полагать, представляет в данном списке всю северо-западную подгруппу, охватывающую также кашубский и серболужицкий (или отдельно верхне- и нижнелужицкий) языки. Указывая на „открытость“ границ ЦЕЯС относительно соседних языковых ареалов по многим выделяемым ею и другими учеными параметрам, Г. Курцова тем не менее устанавливает по крайней мере для его „ядерных“ языков два релевантных фонологических признака, а именно инициальное ударение и количественные оппозиции гласных, а также целый ряд грамматических – морфосинтаксических – черт, в частности: наличие падежной системы у имен; наличие препозитивного определенного артикля, восходящего к указательному местоимению, или тенденции к его артиклизации; в системе глаголов – отсутствие семантической оппозиции синтетических и аналитических форм прошедшего времени, образование аналитических форм будущего времени с помощью вспомогательного глагола с первоначальным значением становления и др. В настоящем сообщении предлагается включить в этот перечень развитие в центральноевропейских языках некоторых общих либо сопоставимых грамматических или грамматикализованных средств выражения эвиденциальности.

Как известно, в отличие от языков Юго-Восточной Европы, входящих в балканский языковой союз (БЯС), в языках, участвующих в ЦЕЯС, не грамматикализовались особые несвидетельские формы глагола (или формы пересказа, комментатива, адмиратива), и соответствующие значения выражаются главным образом лексическими средствами того же типа, как используемые в качестве маркеров эвиденциальности в других языках. Это прежде всего наречия, частицы и вводные слова/обороты с исходными значениями 1) ‘как передают/сообщают’: нем. *angeblich*, чеш. *údajně*, слц. *údajne*, соответственно от *angeben* и *udat/udat'*; аналогичная мотивация у венг. *állítólag* от *állít* ‘ставить’, ‘утверждать’; 2) ‘говорят’: чеш. лит. *prý*, обих. *prej*, слц. *vraj*, соответственно из *praví, vřavia*; аналогичная мотивация у пол. *rzekomo* (сюда относятся также развернутые выражения типа нем. *wie man sagt*, чеш. *jak se říká*, пол. *jak się mówi*, н.-луж. *ako se groni* и т. д.); 3) ‘кажется’, ‘похоже’: нем. *scheinbar*, н.-луж. *zazdašim*, в.-луж. *po zdaću* (а также чеш., слц. *zdá se/sa*), пол. *podobno* и *pono(ć)*; 4) ‘думается’: слн. *domnevno, menda*; 5) ‘как бы’: чеш. *jako*, пол. *niby* и т. д. Тем не менее можно констатировать,

что в рамках ЦЕЯС были выработаны и определенные морфосинтаксические средства, используемые для передачи сообщения с чужих слов, различные по языкам, но демонстрирующие во многих случаях ареальный параллелизм вплоть до однозначных соответствий.

Во всех рассматриваемых далее языках данная функция развивалась вторично в результате транспозиции у тех или иных средств выражения изначально модального значения долженствования либо побуждения. Для немецкого и западнославянских языков речь идет о формах модальных глаголов соответственно *sollen* и чеш. *mít*, слц. *mať*, пол. *mieć* и т. д., которые и в первичной функции употребляются часто именно в значении долженствования, подразумевающего чужую волю. Мысль о том, что западнославянские конструкции с этими глаголами используются для переказа – в тех же случаях, когда в болгарском языке как представителе БЯС выступают несвидетельские формы, – по-видимому, впервые прозвучала в работе И. Куцаров (Куцаров 1978: 49, 51, 53).

Как это было сформулировано по отношению к чешскому глаголу *mít* еще в статье (Адамец 1974: 138–140) (где автор между прочим отметил также общее сходство системы модальных глаголов в чешском и немецком языках), одним из возможных добавочных семантических признаков этого глагола в изъявительном наклонении – по сравнению с выражающим „дедуктивное“, „объективное“ либо „постулативное“ долженствование глаголом *muset* – является импликация того, что „инициатором, вдохновителем, арбитром долженствования <...> выступает не сам говорящий, а кто-то третий“. Второй возможный признак – импликация нереализованности действия, расцениваемой говорящим как нечто неправильное. П. Адамец иллюстрирует это, сопоставляя два чешских предложения:

(1) *Musíš pracovat pečlivěji* ‘Ты должен работать тщательнее’ (≈ ты должен внутренне осознать, что объективные обстоятельства этого требуют) и

(2) *Máš pracovat pečlivěji* ‘Ты должен работать тщательнее’ (≈ таково распоряжение начальства/это необходимо, чтобы удавалось то, что тебе не удалось/не удается).

Оба эти предложения можно перевести с использованием аналогичных глаголов в тех же значениях на остальные западнославянские языки (ср. слц. *Musíš vs. Máš pracovať starostlivejšie*; пол. *Musisz vs. Masz pracować staranniej*), а с глаголами *mussen* и *sollen* – на немецкий (*Du musst vs. Du sollst sorgfältiger arbeiten*). Приведем, однако, аутентичные примеры употребления модальных глаголов второй группы в значении долженствования, инициируемого третьим лицом, из текстов Интернета. Вначале западнославянские:

(3) слц. *Volal režisér a povedal, že sa máš dostaviť do divadla* ‘Звонил режиссер и сказал, что ты должен явиться в театр’;

(4) слц. *Niekedy sám zákazník navrhne, kedy mu máte zavolať* ‘Иногда клиент сам предлагает, в какое время вы должны ему позвонить’;

(5) пол. *Wczoraj otrzymałem wezwanie do sądu, że mam się stawić w charakterze świadka* ‘Вчера я получил повестку в суд, что я должен явиться в качестве свидетеля’;

(6) пол. *Dostałeś list, że masz zapłacić karę?* ‘Ты получил письмо, что ты должен заплатить штраф?’;

(7) в.-луж. *Dokelž njemóže niktó nikoho nuzować, zo ma serbsce wuknyć* ‘Потому что никто никого не может принуждать, чтобы он учился (букв. что он должен учиться) серболужицкому языку’.

Разумеется, употребление модальных глаголов *mít* в чешском, *mat’* в словацком, *mieć* в польском, *měć/měš* в верхне- и нижнелужицком языках и немецкого *sollen* в деталях не совпадает. Например, в серболужицком ареале глагол *měć/měš*, как и *sollen* в немецком, в формах изъявительного наклонения может выражать также идею „рекомендательного“ „долженствования“, исходящую от говорящего, без оценки соответствия данного действия некоему правильному или идеальному состоянию; ср. н.-луж.:

(8) *Ako som <...> z Błošaňskeje zeleznički wustupil a muža pšašał, źo přédna Kuparska šula jo, jo ten cłowjek <...> gronił: „Góžinu mašo stupaś, ale sami tu šulu žednje njenamakajošo...“* ‘Когда я вышел из шпреевальдского поезда и спросил одного человека, где первая школа в Бург-Каупер, он сказал: „Вам придется (букв. вы должны) час идти пешком, но сами вы эту школу никогда не найдете.“ – аналогично нем. *Sie sollen eine Stunde gehen*, в отличие от чеш./слц. *Musíte...* и пол. *Musi Pan...*

С точки зрения эвиденциальности, однако, важно, что уже в первичной модальной функции глаголы этой группы, и именно они (а не нем. *müssen* и заимствованные из немецкого западнославянские глаголы с корнем *mus-* или в.-луж. *dyrbjeć*), регулярно употребляются при передаче сообщения с чужих слов. В этом фрагменте выражения модальности действительно наблюдается абсолютно точное немецко-западнославянское соответствие, ср.:

(9) нем. *Der Arzt sagt, ich soll weniger rauchen* ‘Врач говорит, что я должен меньше курить’ – и то же на западнославянских языках:

(10) чеш. *Lékař říká, že mám méně kouřit*;

(11) слц. *Lekár vraví, že mám menej fajčiť*;

(12) пол. *Lekarz mówi, że mam mniej palić*;

(13) в.-луж. *Lěkar praji, zo mam mjenje kurić*;

(14) н.-луж. *Gójc groni, až mam mjenjej kuriś*.

Помимо этого при описании чешской ситуации П. Адамец в цитированной работе указывал, что „в разговорном чешском языке формы изъявительного наклонения глагола *mít* иногда употребляются также для сигнализации того, что речь идет о чужом мнении (в той же функции, что

и частица *prý*)“ (Адамец 1974: 139). Ср. примеры исследователя (перевод наш – С. С.):

(15) *Má to být velmi zajímavá kniha* ‘Говорят, это очень интересная книга’;

(16) *Na té klinice prý má být nějaký vynikající doktor* ‘Говорят, в этой клинике есть один замечательный доктор’;

(17) *Měls prý s tím mít nějaké potíže* ‘Говорят, у тебя с этим были какие-то сложности?’

П. Адамец усматривал в таком употреблении глагола *mít* реализацию значения „дедуктивного“, или предполагаемого, долженствования, в основном присущего глаголу *muset* (ср. *Ta kniha zde přece někde musí být* ‘Эта книга должна быть где-то тут’, *V noci muselo pršet* ‘Ночью, должно быть, шел дождь’), но с дополнительным семантическим признаком „инициатором долженствования является кто-то третий“. Заметим, однако, что если в предложениях типа (15) – (17) говорящий и „делает логический вывод о том, что содержание сообщения вероятнее всего соответствует действительному положению дел“, то не „на основании оценки различных признаков, заключенных в данной конситуации“ (Adamec 1974: 134), а с чужих слов, поэтому семантика долженствования как такового в этих случаях по меньшей мере ослаблена. В предложениях, относящихся к временному плану прошлого, значение ожидания события, какое „должно было“ наступить, иногда вообще снимается: говорящий просто сообщает о нем с чужих слов, как в примере (17) выше либо – с оттенком сомнения – в следующем разговорном контексте из Интернета:

(18) *V Dobřichovicích jsou od včera slavný, poněvadž tam naměřili historicky nejvyšší teplotu. Prý to mělo být 40.4°C.* ‘Жители Добржиховиц со вчерашнего дня – знаменитости, потому что там намерили самую высокую за всю историю температуру. Говорят, было 40.4°C.’

Аналогичное употребление отмечается также у форм изъявительного наклонения глаголов *mať* в словацком, *mieć* в польском, *měć* в верхнелужицком языке, например:

(19) слц. *Facku vám dal preto, že ste mali uraziť jeho mamu* ‘Ударил он вас потому, что вы будто бы оскорбили его мать’;

(20) слц. *Vikingovia mali viackrát navštíviť Ameriku ešte pred Kolumbom* ‘Викинги, как считают, не раз побывали в Америке еще до Колумба’;

(21) пол. *Miałeś mieć problemy z kolanem, a zagrałeś dziś cały mecz* ‘Говорят, у тебя были проблемы с коленом, а ты сегодня отыграл весь матч’;

(22) пол. *W bitwie brali udział także inni bogowie, których podobno miał ranić Herakles* ‘В битве участвовали и другие боги, которых, согласно легенде, ранил Геракл’;

(23) в.-луж. *Swjaty Alojs Gonzaga mjeješe při kóždym rozsudže a skutkowanju husto prajić: <...> Što mam z toho za wěcnosć?* ‘Как сообщают,

святой Алоис Гонзага при любом своем решении и поступке часто говорил: ”Что это будет значить для вечности?“.

С. Велькова в работе (Вёлке 2011: 103), анализируя верхнелужицкие конструкции модального глагола *měć* с инфинитивом, разграничивает случаи, когда они выражают „нецесситативность“, т. е. необходимость, которую она описывает как ожидание от агенса соответствующего действия, например: *kaž wojacy mějachu popu na šćernišću stać* ‘как солдаты, должны были стоять на стерне снопы’, и „гипотетичность, или вероятность (обычно на основании чужой информации)“: *jutře ma so deščować* ‘завтра будет / обещали дождь’. Заметим, впрочем, что и в этом, и в других примерах, приводимых автором для иллюстрации второго значения, сема „ожидания того или иного действия“ присутствует: ее вообще трудно элиминировать при рассмотрении материала не только серболужицкого, но и остальных западнославянских языков, даже если ограничиться рамками конструкций с обсуждаемыми глаголами в формах прошедшего времени изъявительного наклонения. Ср. разговорные контексты из польского интернет-чата и словацкого блога:

(24) пол. *Irak miał mieć broń chemiczną, i co?* ‘Иран якобы имел (= говорили, что имеет / ожидали, что будет иметь) химическое оружие – и что же?’;

(25) слц. *Od Capitol Records mali yraj Beatles za album dostać 150 miliónov dolárov* ‘Говорят, что „Битлз“ получили / должны были (= ожидали) получить за этот альбом от „Кэпитал Рекордз“ 150 млн. долларов’.

Аналогично невозможно сделать однозначный выбор между значениями отсылки к чужим словам и долженствованию при интерпретации верхнелужицких конструкций с глаголом *měć* в формах перфекта и плюсквамперфекта из цитированной работы (Вёлке 2011: 104): *Nepila wopisuje, kajki je był chudy jako hólc, kak su měli nuzu tradać w lětach 1770–1773* ‘Непила описывает, как беден он был в детстве, как в 1770–1773 годах они терпели/им приходилось терпеть нужду’; *Nětko spózna Henrich, zo tamne słowa njeběchu rěkać měle: „po šesćich lětach wumrješ ...“* ‘Теперь Генрих понял, что те слова не значили/не должны были означать „через шесть лет ты умрешь“’.

В роли своего рода *tertium comparationis*, полагает С. Велькова, может выступать сопоставление с ситуацией в немецком языке, где „необходимость (согласно чужой воле) выражается конструкцией *soll* + инфинитив (*er soll mehr Sport treiben*) или конструкцией *hat zu* + инфинитив (*er hat mehr Sport zu treiben*), а вероятность в соответствии с чужой информацией может быть выражена только конструкцией с модальным глаголом *sollen* (*morgen soll es regnen, gestern sollte es regnen* и т. д., но не **morgen hat es zu regnen*)“ (Вёлке 2011: 103). Как мы видели, однако, значение „вероятности в соответствии с чужой информацией“, в котором не используется немецкая конструкция *haben zu* + инфинитив, не исключает семы „ожидания

события, какое должно наступить“, так что данный критерий позволяет вычленил лишь значение необходимости, но не отграничить друг от друга значения долженствования и отсылки к чужим словам.

В аспекте эвиденциальности в немецком языке для нас важна прежде всего конструкция *soll* + инфинитив прошедшего времени, выражающая „так наз. „чужое мнение“, от которого говорящий в известной степени дистанцируется“ (Штиха 2003: 118). Главным средством выражения этого значения в чешском языке автор указанной работы считает частицу *prý*, а также наречие *údajně* (нем *angeblich*). Ср. немецкие примеры Ф. Штихи с его переводами на чешский и нашими – на русский язык:

(26) *Sternberger soll sich begeistert über die Genauigkeit der Berichte geäußert haben* – чеш. *Sternberger byl prý nadšen tím, jak jsou hlášení přesná* ‘Штернбергер будто бы восторженно отозвался о точности донесений’;

(27) *Sie gelten als die sogenannten Mölln-Attentäter, die zwei von Türken bewohnte Häuser angezündet haben sollen* – чеш. *...kteří údajně zapálili dva z domů obývaných Turky* ‘Они известны в качестве так наз. мёльнских поджигателей, которые якобы подожгли два дома, заселенных турками’.

Далее исследователь констатирует: „В публицистических и официальных текстах, в особенности в сообщениях правоохранительных органов, употребляется также чешский глагол *mít* в данном значении немецкого *sollen*. Впрочем, в этом употреблении чешский глагол *mít*, в отличие от немецкого, не вполне грамматикализован, т. е. представляет собой скорее периферийное средство, ограничивающееся одной разновидностью текстов с их авторами (представители полиции, многие журналисты и т. п.). Для общего употребления это средство рекомендовать нельзя“, – заключает Ф. Штиха, приводя два примера, взятые из Чешского национального корпуса:

(28) *Liberijec ho měl úmyslně udeřit hlavou do obličeje* ‘Либериец якобы умышленно ударил его головой в лицо’;

(29) *Při odchodu pak měl napadnout tři policisty místního oddělení* ‘Уходя, он якобы напал на троих полицейских из местного отделения’.

Несмотря на такую оценку автора „Чешско-немецкой сравнительной грамматики“, однако, приходится признать, что это периферийное, по его мнению, средство выражения эвиденциальности широко распространилось не только в рамках указанной разновидности текстов – и не только в чешском, но также в других западнославянских языках, так как оно несомненно нашло опору в конструкциях типа чеш. *Měls prý s tím mít nějaké potíže*, какие отмечались в живом употреблении задолго до начала экспансии языка масс-медиа, наблюдающейся в наши дни.

В чешской и словацкой публицистике оба средства передачи информации с чужих слов – как глаголы *mít/mat’*, так и частицы *prý/vraj* либо также наречия *údajně/údajne* – используются абсолютно равноправно, часто одновременно или (в стилистических целях) чередуясь, ср.:

(30) чешский новостной заголовок *Klaus prý Slovákům nabízel malý Marshallův plán* при развернутом тексте *V roce 1992 měl tehdejší český premiér Václav Klaus <...> nabídnout Slovensku malý Marshallův plán* ‘В 1992 году тогдашний чешский премьер Вацлав Клаус будто бы предлагал Словакии малый план Маршалла’;

(31) словацкий новостной заголовок *Vymenovanie šéfa FNM malo byť protizákonné* при развернутом тексте *Ako totiž informoval denník Pravda, vymenovanie nového šéfa FNM <...> vraj bolo protizákonné* ‘Поскольку, как сообщила газета „Правда“, назначение нового руководителя Фонда национального имущества якобы было противозаконным’.

Интересные реакции на словацком интернет-форуме вызвал заголовок *Telefónnu búdku mal vyhodit' do vzduchu Salinger* ‘Телефонную будку якобы взорвал Салингер’ (букв. *должен был взорвать*):

а) *Z nadpisu mi vyplýva, že Salinger mal vyhodit' do vzduchu telefónnu búdku, ale to ten mamlas neurobil* ‘Из заголовка я делаю вывод, что Салингер должен был взорвать телефонную будку, но этот оболтус не сделал этого’;

б) *Sloveso mať má viacero významov, okrem iného v spojení s neurčitkom slovesa vyjadruje povinnosť, nevyhnutnosť, potrebnosť <...>. V ostatnom čase sa čoraz častejšie stretáme s vyjadreniami typu mal zavraždiť podnikateľa. Takýmito vyjadreniami sa však nenaznačuje povinnosť, nevyhnutnosť, čo by napokon bolo až cynické, ale sa chce naznačiť, že niekto urobil niečo zlé, čo však zatiaľ nie je definitívne potvrdené. V takom prípade by sme nemali siahať za slovesom mať, ale by sme mali používať časticu údajne alebo časticu vraj, teda údajne zavraždil podnikateľa, vraj ukradol sto eur.* ‘У глагола *иметь* несколько значений; кроме прочего, в сочетании с инфинитивом он выражает обязанность, неизбежность, необходимость <...>. В последнее время мы все чаще встречаемся с высказываниями типа *имел убить предпринимателя*. Такие высказывания подразумевают не обязанность, неизбежность, что было бы даже цинично, а то, что кто-то сделал что-то нехорошее, но это пока окончательно не подтверждено. В таких случаях не следовало бы прибегать к глаголу *иметь*, а следовало бы использовать частицу *якобы* или *мол*, т.е. *якобы убил предпринимателя, якобы украл сто евро*’.

Несмотря на эти рекомендации, употребление конструкций с модальным глаголом *mať* в качестве средства передачи чужих слов или информации, в истинности которой говорящий не уверен, в словацком Интернете ширится. При этом часто речь явно не идет о влиянии стиля злоупотребляющих ими журналистов – например, в воспоминаниях блогера-пенсионера о том, как он в молодости проходил производственную практику:

(32) *Sadli sme, porozmýšľali a vybrali sme <...> ČZ Strakonice na druhom konci republiky, lebo tam mali vraj mať samočinný počítač. <...> Prideme do Strakoníc, a tam vo fabrike žiaden počítač, len obyčajné diernoštitkové stroje...*

‘Мы сели, поразмыслили и выбрали завод „ЧЗ Страконице“ на другом конце республики, потому что там якобы была/должна была быть самодействующая ЭВМ. Приезжаем в Страконице – а там на заводе никакой ЭВМ, только обычные машинки с перфокартами’.

Примеры аналогичных польских конструкций с глаголом *mieć* в том же значении из работы (Панчевска, Миленовска 2011: 118, 120):

(33) *Engel miał powiedzieć, że Norwegia nie wykorzystuje swoich szans, bo jest źle prowadzona* ‘Энгель якобы сказал, что Норвегия не использует своих шансов, потому что ей плохо руководят’;

(34) *Poza tym krakowska „Funkmesstelle“ miała pracować także dla potrzeb władz policyjnych w okręgu białostockim* ‘Кроме того, краковская „Функмесштелле“ будто бы работала также на органы полиции в белостокском округе’;

(35) *Według agencji Associated Press Hasek miałby zarabiać 7–8 mln dolarów rocznie* ‘Согласно агентству „Ассошиайтед Пресс“, Хасек якобы зарабатывал/должен был зарабатывать 7–8 млн долларов в год’;

(36) *Oszustwo miałoby polegać na pozorowaniu za pomocą środków farmakologicznych, że organizm <...> jest młodszy niż w rzeczywistości* ‘Обман, как подозревают, крылся / должен был крыться в том, что с помощью фармацевтических средств организм выглядел заметно моложе, чем он был на самом деле’.

В последних двух случаях глагол *mieć* употреблен в форме сослагательного наклонения, в какой при передаче чужих слов или непроверенной информации часто выступают и соответствующие глаголы в других западнославянских языках.

П. Адамец в результате сравнения семантики чешских конструкций с глаголом *mít* в формах изъявительного наклонения настоящего времени и сослагательного наклонения сделал вывод, что последние здесь в большинстве случаев функционально эквивалентны первым, значение которых они всего лишь „смягчают“, имплицитно меньшую степень уверенности говорящего (*Má to být hodný člověk* ‘Вроде он хороший человек’ → *Měl by to být hodný člověk* ‘Вроде бы он хороший человек’) или меньшую степень категоричности передаваемого сообщения третьего лица (*Máš pracovat systematictěji* ‘Ты должен работать более систематически’ → *Měl bys pracovat systematictěji* ‘Тебе следовало бы работать более систематически’). При сопоставлении с индикативными формами прошедшего времени, однако, формы сослагательного наклонения глагола *mít* в эвиденциальных конструкциях, по нашей оценке, демонстрируют отчетливое значение потенциальности, условности допущения, ср.:

(37) *Městský soud konstatoval, že stěžovatelka tvrdila, že zdanitelné plnění poskytla DVOZA, neuvedla ale, v čem mělo spočívat. <...> Stejně tak není jasné, v čem by mělo spočívat „zprostředkování reklamy“ fakturované právnímu*

předchůdci stěžovatelky společnosti DVOZA ‘Городской суд констатировал, что истица утверждала, что налогооблагаемую услугу предоставила компания „Двоза“, но не указала, в чем она состояла (букв. *должна была состоять*). Точно так же неясно, в чем состояло (букв. *должно было бы состоять*) „посредничество при обеспечении рекламы“, счет за которое компания „Двоза“ выставила правопродшественнику истицы’.

Употребление форм сослагательного наклонения обсуждаемых западнославянских глаголов в эвиденциальных конструкциях различается по языкам. Многие здесь обязано узусу. С одной стороны, в контекстах *miałoby polegać* и *mělo by spočívát* в польском и чешском примерах (36) – (37) он по существу совпадает; с другой – трудно представить формы сослагательного наклонения чешского глагола *mít* в независимых предложениях, описывающих предполагаемое на основании чужих слов событие в прошлом, как в пол. *To właśnie Lestek miałby zlikwidować w Gnieźnie ośrodek kultu pogańskiego* ‘По-видимому, именно Лестек ликвидировал в Гнезне центр языческого культа’ (пример из Панчевской, Миленовской 2011: 119). В чешском языке подобные предложения подразумевают отнесенность к плану будущего, ср. новостной заголовок

(38) *Charlieho Harpera by měl zabít vlak metra v Paříži* – при основном тексте сообщения *Charlieho Harpera v seriálu Dva a půl chlapa <...> prý zabije vlak pařížského metra. Na své webové stránce to oznámil známý bloger...* ‘Чарли Харпера в сериале „Два с половиной человека“, по-видимому, убьет поезд парижского метро. Об этом объявил на своей странице в Интернете известный блогер...’

Интересную параллель западнославянского типа выражения эвиденциальности с использованием форм сослагательного наклонения находим в словенском языке. Это конструкции побудительной – в исходном значении – частицы *naj* ‘пусть’ с формами сослагательного наклонения знаменательного глагола, уже в силу самой их структуры не допускающие рассмотрение их в рамках парадигмы повелительного наклонения (вопреки Дуличенко 2005: 215). Подобные конструкции могут выявлять модальные значения долженствования, желательности (*Izmerite prostor, kjer naj bi stal vaš TV... namreč odvisno je tudi od prostora, kjer naj bi gledali TV* ‘Измерьте пространство, где будет/должен стоять ваш телевизор... действительно многое зависит от пространства, где вы собираетесь/хотите смотреть телевизор’), а также часто используются для описания события, которого говорящий лично не наблюдал и информация о котором может оцениваться им как не вполне достоверная, ср.:

(39) *Jabolko velja za enega izmed najbolj zdravih sadežev, ki naj bi človeku dajal vitalnost in mladost* ‘Яблоко является одним из наиболее здоровых фруктов, который (как утверждают) дает человеку жизненную силу и молодость’;

(40) *Slovani naj bi bili prišli v naše kraje kot podložniki Avarov* ‘Славяне якобы пришли некогда в наши края, будучи данниками аваров’.

Эти конструкции (с формами сослагательного наклонения настоящего времени как нейтральными) в наши дни очень распространены в языке средств массовой информации, в том числе в Интернете. Вот еще несколько примеров:

(41) *Po poročanju tujih medijev naj bi uporniki že vdrli v libijsko prestolnico Tripoli* ‘По сообщениям зарубежных СМИ, повстанцы уже ворвались в столицу Ливии Триполи’;

(42) *Po neuradnih informacijah naj bi vladni predstavniki ugotovili, da je v državni zakladnici približno 150 milijonov evrov premalo* ‘По неофициальным сведениям, представители власти выявили в государственной казне недостачу примерно в 150 миллионов евро’;

(43) *Peking – Tudi najbogatejši Kitajci naj bi na svoji koži občutili svetovno gospodarsko krizo* ‘Пекин – Даже самые богатые китайцы, похоже, ощутили на своей шкуре мировой экономической кризис’;

(44) *Povpraševanje po elektriki naj bi še naraščalo* ‘Спрос на электроэнергию, по оценкам, будет возрастать’.

Последнее предложение относится к плану будущего, что, однако, выясняется только из последующего контекста (*Svetovalna družba A.T. Kearney <...> ugotavlja, da se bo do leta 2035 povpraševanje po električni energiji povečalo za 35 odstotkov* ‘Консалтинговая компания „А. Т. Кирни“ определяет, что до 2035 г. спрос на электроэнергию повысится на 35%’).

Конструкция с частицей *naj* при формах сослагательного наклонения является в современном словенском языке маркированным средством пересказа, однако так же, как и западнославянские модальные глаголы с исходным значением ‘иметь’, не обязательно используется при передаче информации с чужих слов. В публицистических текстах предложения с этой конструкцией и без нее, в обоих случаях с возможными другими, лексическими маркерами эвиденциальности, нередко в стилистических целях чередуются, например:

(45) *Vatikan – Papežu Benediktu XVI. naj bi grozil atentat* ‘Ватикан – Папе Бенедикту XVI якобы угрожает покушение’, но

(46) *Papežu grozi atentat, naslednik naj bi bil znan* ‘Папе угрожает покушение, преемник якобы известен’;

(47) новостной заголовок *Po neuradnih informacijah LDS ostaja del koalicije* ‘По неофициальной информации, ЛДП остается в коалиции’ при основном тексте сообщения *Po neuradnih informacijah naj bi liberalna demokracija (LDS) ostala v koaliciji* ‘По неофициальной информации, либеральная демократия (ЛДП) как будто осталась/остается/останется в коалиции’.

Структуру анализируемых конструкций в принципе можно трактовать и иначе, вычлняя составную частицу *naj bi*, которая в данном случае

соединяется с глаголом в форме *l*-причастия, но может сочетаться и с существительным, ср.

(48) название заметки *O 'naj bi' požigalcih in njihovi krivdi* 'О якобы поджигателях и несправедливости по отношению к ним' при основном тексте *Berem o skupini fantov <...> ki 'naj bi' po Mariboru podtikali požare...* 'Читаю о группе парней, которые „якобы“ устраивали пожары в Мариборе'.

При любой трактовке развитие у первоначально побудительной частицы значения долженствования, подразумевающего чужую волю, типологически вполне естественно. Этот процесс находит параллели и в западнославянских языках: ср. распространяющийся в современном чешском „конъюнктив“ типа *Když měla být zařízení, zavolala, ať přijdu na návštěvu* 'Обставив квартиру, она позвонила, чтобы я пришла/приходила в гости' (букв. *пусть я приду* = 'приходи, мол...'); аналогично в верхнелужицком: *Četa Karin bě rozumjejo nygala, a wuj Stani bě rjekł, zo njech wona najprjedy raz wotpočnje* 'Тетя Карин понимающе кивала, а дядя Стани сказал, чтобы она сперва малость отдохнула'. В закреплении же за сочетаниями одновременно с побудительной и условной частицами функции пересказа следует, по-видимому, усматривать специфически словенское явление.

Библиография

- Адамец 1974: A d a m e c , P. Muset nebo mít? (K vyjadřování kategorie obligatornosti v současné češtině na pozadí ruštiny). – В: *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*, Praha, 1974, 133–152.
- Вёлке 2011: W o e l k e , S. Perifrastiske paradigmy z *esse* a *habere* w hornjoserbšćinje. – In: *Перифрастични конструкции со 'esse' и 'habere' во словенските и во балканските јазици*, Скопје, 93–107.
- Дуличенко 2005: Д у л и ч е н к о , А. Д. Словенский язык. – В: *Языки мира. Славянские языки*, Москва, 2005.
- Курцова 1996: K u r z o v á , H. Mitteleuropa als Sprachareal. – В: *Germanistica Pragensia 13*, Praha, 1996, 57–73.
- Куцаров 1978: К у ц а р о в , И. Преизказни модификатори в западните славянски езици. – *Съпоставително езиковедие* 1978, № 6, 47–54.
- Неверкла 2007: N e w e r k l a , S. M. Areály jazykového kontaktu ve střední Evropě a německo-český mikroareál ve východním Rakousku. – In: *Slovo a Slovesnost*, 68, č. 4, 271–286.
- Панчевска, Миленовска 2011: П а н ч е в с к а , А., М и л е н о в с к а , С. Перифрастични конструкции со 'esse' и 'habere' во полскиот јазик. – В: *Перифрастични конструкции со 'esse' и 'habere' во словенските и во балканските јазици*. Скопје, 2011, 109–121.
- Скала 1991/92: S k á l a , E. Deutsch und Tschechisch im mitteleuropäischen Sprachbund. – In: *Brücken (Neue Folge)*, 173–179.
- Штиха 2003: Š t í c h a , F. *Česko-německá srovnávací gramatika*. Praha, 2003.

*За някои морфосинтактични средства при предаване
на информация по чужди думи в славянските езици
от централноевропейския регион в сравнение с немския език*

Сергей С. Скорвид (Москва)

В статията се разглеждат морфосинтактичните средства за изразяване на несвидетелски твърдения в няколко средноевропейски езика. Те включват конструкции с модалния глагол *sollen* в немски и техните функционални еквиваленти с изначално притежателно значение в чешки, словашки, полски, горно- и долнолужишки, от една страна, както и конструкции с побудителна частица с форми на подчинително наклонение в словенски, от друга. Посочва се, че въпреки различния произход на тези конструкции, те показват съществено сходство в употребите си; това може да се приеме за една от особеностите на централноевропейската езикова близост.

e-mail: skorwid@orc.ru